

Наше стратегическое развертываніе въ 1914 году и идеи, положенныя въ основу его.*)

(Изъ неизданныхъ воспоминаній автора о первомъ годѣ Великой войны).

Вопросъ о нашемъ стратегическомъ развертываніи въ 1914 году, которое было разработано еще въ мирное время на случай войны съ центральными державами, не можетъ быть разсматриваемъ и оцѣниваемъ въ отдѣльности. По существу это развертываніе, съ момента заключенія союза съ Франціей, должно было являться составною частью одного общаго плана, совмѣстно разработаннаго и принятаго къ исполненію генеральными штабами обѣихъ союзныхъ державъ — Франціи и Россіи. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ. Насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о совмѣстной разработкѣ общаго плана войны никогда въ цѣломъ не ставился на свободное обсужденіе представителей союзныхъ государствъ. Съ сожалѣніемъ приходится также отмѣтить, что на этихъ совѣщаніяхъ ни разу не былъ не только обсужденъ, но даже затронутъ вопросъ ни о единомъ командованіи, ни о способахъ согласованія военныхъ операций въ періодъ самой войны. Такимъ образомъ вопросъ огромной важности, — хотя и крайне деликатный во всякаго рода военныхъ коалиціяхъ — о единствѣ управленія, единствѣ направляющей воли — оставался неурегулированнымъ и потому таившимъ въ себѣ зародыши неизбѣжной слабости и несогласованности будущихъ дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе на Россію были возложены ея союзницей — Франціей извѣстныя обязательства, которыя нами были приняты и съ которыми, слѣдовательно, намъ приходилось считаться при разработкѣ подготовительныхъ къ войнѣ на западномъ фронтѣ соображеній.

Какъ извѣстно, союзныя отношенія Россіи съ Франціей возникли на почвѣ все возрастающей угрозы обще-европейскому миру

*) Все права на изданіе и переводъ сохраняются за авторомъ.

со стороны державъ тройственного союза, руководимаго Германией. Эти отношенія первоначально вылились въ форму военной конвенціи, подписанной въ 1892 году начальниками генеральныхъ штабовъ: французскаго — генерала Буадефра и русскаго — генерала Обручева.

Въ основѣ этой конвенціи лежала строго оборонительная мысль о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ случаѣ вооруженнаго нападенія державъ тройственного союза на одно или оба договаривавшіяся государства.

Наибольше существенная часть этой конвенціи заключалась въ томъ, что объ договаривавшіяся стороны — Россія и Франція — обязывались другъ передъ другомъ, при первомъ извѣстіи объ общей мобилизаціи враждебнаго имъ союза, мобилизовать всѣ свои вооруженныя силы и сосредоточить ихъ къ угрожаемымъ границамъ. Затѣмъ, для заблаговременнаго согласованія дальнѣйшихъ шаговъ обоихъ союзныхъ государствъ, устанавливалось, что, въ случаѣ нападенія со стороны Германіи или другой державы тройственного союза, поддержанной Германией, на Россію или на Францію, другое изъ договаривавшихся государствъ должно придти къ первому, подвергшемуся нападенію, на помощь и использовать всѣ свои свободныя силы для дѣйствій противъ Германіи.

Такая формулировка соглашенія, отдѣляющая актъ мобилизаціи отъ акта перехода къ военнымъ дѣйствіямъ, была, повидимому, подсказана тѣмъ соображеніемъ, что только въ Россіи оба эти акта принадлежали компетенціи одной и той же власти — Верховной; во Франціи же мобилизація арміи вводилась декретомъ президента республики, а объявленіе войны — должно было санкціонироваться палатой.

Окрѣпшія между Россіей и Франціей связи вылились въ 1899 г. въ форму политическаго соглашенія, къ которому упомянутая выше военная конвенція стала однимъ изъ дополненій. Съ этого года между обоими государствами установились вполне прочныя союзныя отношенія на почвѣ взаимнаго обезпеченія отъ вражескихъ попытокъ центральныхъ державъ.

Наконецъ лѣтомъ 1912 года между Франціей и Россіей было заключено дополнительное соглашеніе по морской части, устанавливавшее связи и совмѣстную работу морскихъ генеральныхъ штабовъ обоихъ государствъ.

Основные положенія военной конвенціи, заключенной въ 1892 г. между Россіей и Франціей, впоследствии подвергались неоднократному обсужденію въ особыхъ совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ обоихъ союзныхъ государствъ. Совѣщанія эти, вначалѣ рѣдкія, съ 1910 года приобрѣли характеръ ежегодный и проис-

ходили то въ Парижъ, то въ Петербургъ.*) На этихъ совѣщаніяхъ въ конвенцію не вносилось, впрочемъ, никакихъ коренныхъ измѣненій и вопросы, подлежащіе обсужденію, касались главнымъ образомъ координаціи первоначальныхъ боевыхъ дѣйствій, или имѣли характеръ техническій — обезпеченіе связи, желѣзнодорожное строительство и т. д.

На первыхъ же совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ было признано обѣими сторонами съ полной опредѣленностью, что въ будущемъ столкновеніи главнымъ противникомъ надлежитъ считать Германію, противъ которой и долженъ быть поэтому проявленъ союзниками максимумъ военныхъ усилій.

Основные положенія заключенной конвенціи пытались даже установить численную силу тѣхъ войскъ, которыя должны были быть выставлены противъ Германіи договаривавшимися сторонами; для Франціи таковая сила была опредѣлена цифрою отъ 1.200 т. до 1.300 т., для Россіи — отъ 700 т. до 800 т. человекъ. При этомъ обѣими сторонами было установлено, что наиболее вѣроятнымъ предположеніемъ должно считаться направленіе Германіей главной массы войскъ съ началомъ войны противъ Франціи, имѣя въ виду, въ случаѣ успѣха надъ послѣдней, развитіе впоследствии рѣшительныя дѣйствія противъ Россіи. Исходя изъ этого предположенія, къ требованіямъ Франціи, формулировавшимся на совѣщаніяхъ начальниками французскаго генеральнаго штаба, представители русской стороны относились съ большимъ вниманіемъ и неизмѣнной отзывчивостью, какъ къ сторонѣ, долженствовавшей выдержать первый наиболее грозный ударъ общаго врага. Въ сущности на совѣщаніяхъ дѣло сводилось почти къ тому, что Франція предъявляла свои положенія, а Россія выясняла степень возможности и способы ихъ удовлетворенія. Несомнѣнно, что такое положеніе въ значительной мѣрѣ должно было сковывать нашу стратегію и свободное распоряженіе собственными силами въ начальный періодъ войны.

Всѣ начальники французскаго генеральнаго штаба, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, предъявляли на совѣщаніяхъ нашимъ представителямъ неизмѣнное требованіе, которое сводилось къ принятію нами наступательнаго образа дѣйствій противъ Германіи, притомъ осуществляемаго возможно большими силами и, главное, — въ кратчайшій срокъ. Становясь на точку зрѣнія Франціи, нельзя было отказать этому требованію въ его цѣлесообразности. Дѣйствительно, только такимъ способомъ, отвѣчавшимъ природѣ дѣйствій про-

*) Со стороны Россіи въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе только начальники генеральнаго (главнаго) штаба. — Лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ качествѣ дѣлопроизводителей, присутствовали наши военные агенты въ Парижѣ.

тивъ Германіи по наружнымъ операционнымъ линіямъ и угрожавшимъ неприкосновенности нѣмецкой территоріи, возможно было рассчитывать приковать къ восточнымъ границамъ этой имперіи болѣе или менѣе значительныя силы послѣдней и тѣмъ обезпечить Франціи, при ея столкновеньяхъ съ главною массою общаго врага, возможно болѣе выгодное для нея численное соотношеніе. Съ другой стороны вполне логическимъ являлось стремленіе противопоставить „послѣдовательнымъ“ ударамъ Германіи, занимавшей внутреннее положеніе, „одновременныя“ и хорошо согласованныя контръдѣйствія союзниковъ съ обоихъ противоположныхъ фронтовъ: восточнаго — французскаго и западнаго — русскаго.

Я уже отмѣтилъ, что несмотря на близкую прикосновенность къ вопросамъ оперативнаго характера, мнѣ не приходилось слышать, чтобы на совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ союзныхъ державъ подвергался изслѣдованію вопросъ о совместной разработкѣ общаго плана. Едва ли когда ставился на обсужденіе и вопросъ о наилучшемъ способѣ встрѣчи французскими вооруженными силами удара, подготовлявшагося противъ Франціи Германіей. Повидимому послѣдній не считался составною частью общаго плана, какимъ онъ долженъ бы быть по существу, а исключительно дѣломъ нашей союзницы. Возможно поэтому, что на совѣщаніяхъ и не раздавалось сомнѣній въ цѣлесообразности, съ общей точки зрѣнія, того плана рѣшительнаго наступленія съ фронта Бельфоръ—Лонгви, которымъ французы предполагали не только парировать ударъ нѣмцевъ, но даже вырвать инициативу дѣйствій изъ ихъ рукъ. Планъ этотъ, какъ извѣстно, смѣнилъ болѣе осторожныя предположенія французскаго генеральнаго штаба, существовавшія до 1911-го года включительно.

Въ противоположность такому положенію дѣла, вопросъ о порядкѣ осуществленія, съ началомъ войны, нашего наступленія въ предѣлы Германіи занималъ всегда центральное мѣсто въ программѣ совѣщаній и привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе нашихъ союзниковъ. Опредѣляя силы, долженствовавшія быть выставленными Россіей противъ Германіи въ 700—800 т. человекъ, военная конвенція умалчивала, однако, кого собственно слѣдуетъ подразумѣвать въ этой суммѣ: общую ли численность войскъ, подлежащихъ сосредоточенію на границѣ съ Германіей или только боевой ихъ составъ; не имѣлось также никакихъ указаній о срокахъ сосредоточенія этой массы войскъ. Изъ отсутствія этихъ данныхъ и вытекала не только возможность, но даже необходимость уточненія этихъ важныхъ вопросовъ.

По отношенію къ вопросу о численности войскъ, могущихъ быть выдѣленными въ первую очередь для непосредственныхъ дѣйствій противъ Германіи, начальники нашего генеральнаго штаба по-

стоянно указывали на возраставшя вооруженіе и готовность Австро-Венгрии и вытекающую отсюда для насъ необходимость самымъ рѣшительнымъ образомъ парировать прежде всего опасность, угрожающую намъ со стороны этой послѣдней. Мысль эта прививалась однако нашимъ союзникамъ съ большимъ трудомъ. Намъ неизмѣнно возражали, что побѣда надъ главнымъ противникомъ — Германіей — устранить все остальные опасности. На послѣднемъ передъ войной совѣщаніи, происходившемъ въ Петроградѣ и Красномъ Селѣ въ августъ 1913 года, начальникъ французскаго генеральнаго штаба, генераль Жоффри, въ своемъ заключеніи вновь подтвердилъ о крайней желательности нашего наступленія противъ Германіи. При этомъ онъ высказалъ свое мнѣніе, выраженное имъ уже и въ 1912 году, о желательности придать русскимъ вооруженнымъ силамъ такое расположеніе, при которомъ возможно было бы развить рѣшительное наступленіе или въ Восточную Пруссию или, еще лучше, какъ онъ выразился, по лѣвому берегу р. Вислы, въ направленіи на Берлинъ, въ зависимости отъ того, на какомъ берегу этой рѣки состоится развертываніе германскихъ силъ, оставляемыхъ на восточномъ фронтѣ.

Въроятная численность силъ послѣднихъ опредѣлялась французами въ разное время различно. Наибольше полно на этомъ вопросѣ остановился начальникъ французскаго генеральнаго штаба, генераль Дюбайль, въ совѣщаніи, происходившемъ въ августъ 1911 года въ Красномъ Селѣ. Генераль Дюбайль заявилъ, что будетъ считать себя вполне удовлетвореннымъ, если наше наступленіе противъ Германіи состоится съ такими силами, которыя будутъ способны приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ на восточно-прусской границѣ.

Что касается, наконецъ, начала срока нашего наступленія, то условіе его „одновременности“ съ наступленіемъ французовъ, вслѣдствіе недостаточной быстроты мобилизаци и сосредоточенія русской арміи къ границамъ, являлось для насъ совершенно невыполнимымъ. На послѣднемъ совѣщаніи 1913 года генераль Жоффри сдѣлалъ заявленіе, что сосредоточеніе французской арміи на сѣверо-восточной границѣ будетъ закончено, въ большей своей части, на 10-ый день мобилизаци и что наступленіе этой группы войскъ начнется на слѣдующій день, съ утра. Несмотря на спорные успѣхи, сдѣланные нами въ послѣдніе годы передъ войной въ области мобилизаци и сосредоточенія, мы не могли, однако, считать себя готовыми къ боевымъ дѣйствіямъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ къ указанному выше времени готовности французской арміи. Наши союзники это понимали и потому лишь отмѣчали на совѣщаніяхъ, какъ руководящее начало, что значеніе нашего наступленія будетъ для нихъ возрастать въ мѣрѣ ускоренія нами такового.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать этому ускоренію, наша союзница — Франція открыла у себя для Россіи широкій кредитъ на постройку жел.-дор. линій стратегическаго значенія. Эта финансовая помощь, нами въ свое время широко использованная, накладывала на свободное творчество отечественной стратегіи еще реальнѣе свою

тяжелую руку. Она — эта рука — чувствовалась на протяжении всего периода существования наших союзных отношений съ Франціей и отъ ея давящаго вліянія не могъ освободиться ни одинъ изъ руководителей русскаго генеральнаго штаба, ни даже генераль Палицынъ*), хотя періодъ пребыванія послѣдняго въ должности начальника генеральнаго штаба (1905—1908) былъ для этого наиболее удобнымъ временемъ. Періодъ этотъ непосредственно примыкалъ къ неудачно для насъ закончившейся рус.-яп. войнѣ, послѣ которой сокращеніе нашихъ военныхъ возможностей противъ Германіи являлось всѣмъ понятнымъ и вполне объяснимымъ. Постепенно, однако, наша боевая готовность стала подниматься и уже на послѣднемъ передъ войной совѣщаніи 1913 года бывший въ то время начальникомъ русскаго генеральнаго штаба, генераль Жилинскій, — вполнѣ въ силу главкома командующій войсками, предназначавшимися для дѣйствій противъ Германіи, — заявилъ генералу Жоффру, что сосредоточеніе русскихъ войскъ противъ Германіи можетъ быть закончено въ главныхъ чертахъ лишь къ 15-му дню мобилизаціи, каковой срокъ поэтому и является наиболее раннимъ для нашего наступленія.

Изъ всего изложеннаго видно, что Россія, вступивъ въ союзныя отношенія съ Франціей, приняла на себя серьезное обязательство — предусматривать своими подготовительными къ войнѣ соображеніями быстрое и энергичное наступленіе противъ Германіи, организуемое достаточными, по условіямъ обстановки, силами. Значеніе этого наступленія для нашихъ союзниковъ — французовъ возрастало въ зависимости отъ силъ, съ которыми таковое будетъ произведено, начального его срока и направленія, въ которомъ оно будетъ развиваться.

Какъ извѣстно, высшимъ войсковымъ соединеніемъ въ мирное время въ Россіи являлся корпусъ. Хотя корпуса и входили въ составъ военныхъ округовъ, на которые въ военномъ отношеніи была подраздѣлена вся имперія, но съ объявленіемъ войны эта связь нарушалась и личный составъ военныхъ округовъ служилъ лишь кадромъ для формировація высшихъ управленій военнаго времени.

Согласно положенія о полевомъ управленіи въ военное время, корпуса, въ числѣ, соответствовавшемъ той или иной стратегической задачѣ, должны были сводиться въ арміи. Нѣсколько армій, предназначавшихся для достиженія болѣе общей стратегической задачи и долженствовавшія дѣйствовать совместно на опредѣленномъ фронтѣ, могли соединяться въ болѣе крупное соединеніе, образуя арміи даннаго фронта. Всѣ же войска, какъ вошедшія въ составъ

*) Подтвержденія этому имѣются въ протоколахъ совѣщаній союзныхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ за 1906—08 гг.

фронтовъ, такъ и оставшіяся въ составѣ отдѣльныхъ армій, предназначившіяся для достиженія общихъ цѣлей войны, составляли дѣйствующую армію, непосредственно подчинявшуюся верховному главнокомандующему. На обязанности военного министерства продолжали, однако, оставаться заботы по снабженію этой арміи всѣмъ необходимымъ, въ соотвѣтствіи съ общими заданиями, долженствовавшими исходить отъ верховнаго главнокомандующаго. Такимъ образомъ военный министръ являлся какъ бы главнымъ начальникомъ снабженій всей дѣйствующей арміи.

Разработка соображеній о первоначальномъ распредѣленіи войскъ по арміямъ и армій по фронтамъ, постановка войскамъ первыхъ боевыхъ задачъ, а равно выработка главнѣйшихъ основаній устройства тыла лежали на обязанности главнаго управленія генеральнаго штаба (по отдѣлу генераль-квартирмейстера). Всѣ основныя данныя по этимъ вопросамъ должны были естественно представляться еще въ мирное время на утвержденіе Государя Императора, какъ Верховнаго Вождя всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи. Данныя эти, начиная съ 1912 года, стали включаться въ основныя указанія командующимъ войсками, на случай войны съ державами тройственнаго союза, каковыя указанія составляли базу для всѣхъ дальнѣйшихъ соображеній и работъ по подготовкѣ къ войнѣ. Эти указанія дополнялись, въ видѣ особаго приложенія, „боевымъ расписаніемъ“ войскъ по фронтамъ и арміямъ.

Исходя изъ этихъ основныхъ документовъ и въ развитіе ихъ, должны были составлять свои болѣе детальныя подготовительныя къ войнѣ соображенія всѣ довольствующія управленія военного министерства, штабы военныхъ округовъ, войска и причастныя къ мобилизации и войнѣ учрежденія другихъ министерствъ, причемъ совокупность всѣхъ этихъ работъ и составляло то, что обычно принято было называть „планомъ“ войны.

Если припомнить, что сухопутная граница Россіи имѣла протяженіе во много тысячъ верстъ, и что мы были окружены многочисленными сосѣдями, изъ которыхъ съ каждымъ могли возникнуть военныя осложненія, то станетъ ясно, насколько сложной и трудной представлялась у насъ въ Россіи задача по поддержанію подготовительныхъ къ войнѣ соображеній для всѣхъ фронтовъ на должной ступени ихъ разработки.

По нашимъ подсчетамъ мирнаго времени, соединенныя силы Россіи и Франціи, которые могли принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ первый періодъ войны, нѣсколько превосходили силы Германіи и Австро-Венгрии. Но центральныя державы имѣли огромныя преимущества, какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ взаимнаго снабженія и общаго управленія. Занимая внутреннее положеніе и пользуясь богато и цѣлесообразно развитой желѣз-

нодорожной сѣтью, онѣ являлись на театрѣ военныхъ дѣйствій хозяевами положенія, комбинируя свои силы въ каждый данный моментъ по ихъ усмотрѣнiю и обстановкѣ. Это облегчало нашимъ противникамъ удержанiе въ ихъ рукахъ инициативы дѣйствiй. Почти любая переброска силъ съ одного фронта на другой, а тѣмъ болѣе въ предѣлахъ одного фронта, могла быть исполнена въ теченiе самаго короткаго срока, исчисляемаго немногими днями. То же внутреннее положенiе давало имъ возможность приходить другъ другу на помощь снабженiемъ и техническими средствами; главнокомандованiямъ же обѣихъ союзныхъ державъ не представляло труда поддерживать непрерывность общенiя между собою и потому своевременно сговариваться о предстоящихъ операцiяхъ. Отмѣченныя преимущества столь значительны, что ихъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ взаимнаго положенiя сторонъ въ минувшую войну.

Изъ двухъ союзниковъ—Франци и Россiи—военно-политическое положенiе первой державы въ годы, непосредственно предшествовавшiе войнѣ, значительно упростилось и облегчилось по сравненiю съ таковымъ же положенiемъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, уже начиная съ 1906—07 года отъ тройственнаго союза стала замѣтно отпадать Италия и такимъ образомъ вниманiе Франци могло сосредоточиться только на одномъ противникѣ—Германiи. Правда, послѣдняя съ каждымъ годомъ усиливала свои вооруженныя силы и совершенствовала свою военную систему; ея военная мощь неизмѣнно возрастала. Но съ другой стороны сближенiе между Францiей и Англiей компенсировало положенiе въ томъ смыслѣ, что дѣлало не только возможной, но даже въ извѣстной степени вѣроятной военную помощь Франци со стороны Британской имперiи.

Въ сущности наличiе франко-англiйскаго военнаго сотрудничества выявилось съ того момента, когда Англiя, подъ влиянiемъ интенсивнаго германскаго судостроительства, предпринявшаго послѣднюю въ началѣ текущаго столѣтiя, рѣшила сосредоточить почти весь свой военный флотъ въ Сѣверномъ морѣ, предоставивъ Средиземное море попеченiю одной Франци.

Напротивъ того, военно-политическая обстановка, съ которой приходилось считаться Россiи, постепенно значительно усложнилась. Уже съ давнихъ поръ въ Россiи непоколебимо установилась та точка зрѣнiя, нашедшая себѣ полное подтвержденiе въ событiяхъ, впоследствии разыгравшихся, что, въ случаѣ военныхъ осложненiй на западныхъ границахъ, намъ придется имѣть дѣло не съ Германiей или Австро-Венгriей въ отдѣльности, а одновременно съ обѣими центральными державами, крѣпко спаянными другъ съ другомъ общностью интересовъ и враждебнымъ къ Россiи отношенiемъ. При такихъ условiяхъ естественно надо было предвидѣть, что русская армiя, при столкновенiи на западныхъ границахъ, будетъ имѣть противъ себя не только германскiя войска, но и всѣ, или почти всѣ, вооруженныя силы Австро-Венгерской монархiи. Хотя Румынiя, заклю-

чившая въ 1900 году военное соглашеніе съ Австро-Венгріей, направленное противъ Россіи, впоследствии стала проявлять склонность къ сближенію съ державами согласія, однако удѣльный вѣсъ ея арміи въ русскихъ военныхъ кругахъ никогда не оцѣнивался сверхъ мѣры и потому болѣе примирительная политика нашей юго-западной со-сѣдки не составляла для военнаго положенія Россіи факта особо большого значенія. Гораздо большее значеніе въ оцѣнкѣ нашего по-ложенія на западѣ имѣло то обстоятельство, что военная мощь Австро-Венгріи, направляемая твердой и опытной рукой начальника австро-венгерскаго генеральнаго штаба генерала Конрада фонъ Хе-цендорфа, непрерывно совершенствовалась и выросла въ годы, непосредственно предшествовавшіе войнѣ, въ очень серьезную наступательную силу, съ которой Россіи приходилось все болѣе и болѣе считаться.

Независимо отъ того, Россія должна была имѣть въ виду и то обстоятельство, что міровая политика Германіи захватила въ орбиту своего непосредственнаго вліянія Турцію; съ другой же стороны — все болѣе привлекала къ себѣ вниманіе и симпатіи довольно широкихъ и весьма вліятельныхъ общественныхъ круговъ Швеціи.

Вовлеченіе Турціи въ борьбу на сторонѣ нашихъ противниковъ значительно затрудняло наше положеніе. Связанное съ закрытіемъ проливовъ, оно способно было нанести громадный ущербъ нашей внѣшней торговлѣ, въ большой степени затруднить разрѣшеніе вопросовъ по доставкѣ изъ за границы недостававшихъ у насъ боевыхъ средствъ и матерьяловъ и сверхъ того создать серьезную дополнительную военную угрозу на Кавказѣ и въ Черномъ морѣ.

Столь же серьезную дополнительную военную угрозу, но только на сѣверо-западныхъ границахъ, могла создать и Швеція, въ силу ея географическаго положенія и исторической подозрительности къ моліи Россіи. Нельзя забывать, что страна эта обладала хорошо организованной, хотя и небольшой, вооруженной силой — сухопутной и морской — которая къ тому же могла получить поддержку со стороны могущественнаго германскаго флота военнаго и транспортнаго. Опасность вражескаго десанта въ Финляндіи, на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ имперіи — Петербургу, представлялась при такихъ условіяхъ факторомъ вполне реального значенія.

Всѣ эти неблагоприятныя условія, въ общен ихъ совокупности, приходилось, конечно, русскому генеральному штабу серьезно учитывать при разработкѣ плана стратегическаго развертыванія вооруженныхъ силъ имперіи, на случай войны на западныхъ границахъ.

Война съ центральными державами Европы, по своему масштабу, требовала отъ Россіи проявленія полнаго напряженія ея силъ и средствъ. Поэтому, при возникновеніи политическихъ осложненій съ этими державами, только общая мобилизація всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи могла отвѣчать создавшейся обстановкѣ. Въ соотвѣтствіи съ симъ только такая мобилизація и предусматривалась пла-

втягивать въ работу лишь постепенно. Что касается остальныхъ 9 корпусовъ, расквартированныхъ въ мирное время въ Сибири, Туркестанъ и Закавказь, а также нѣсколькихъ второочередныхъ дивизій, сформированныхъ въ Сибири, то они могли начать свой подходъ къ пограничнымъ районамъ лишь со втораго мѣсяца войны. Очевидно, что при такихъ условіяхъ включеніе этихъ корпусовъ и второочередныхъ дивизій въ первоначальныя соображенія, охватывавшія лишь періодъ развертыванія и первыхъ операций, являлось совершенно нецѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ въ основное „боевое расписаніе“ войскъ могло быть включено лишь менѣе 80% всѣхъ вооруженныхъ силъ имперіи. Остальныя войска, отобилизованныя и направленные на театръ военныхъ дѣйствій, за исключеніемъ тѣхъ, которыя должны были охранять наши азиатскія границы и не могли быть замѣнены новыми формированіями характера ополченскаго, должны были получать назначеніе лишь по мѣрѣ подхода, въ соответствіи съ обстановкой, фактически складывавшейся къ тому времени. Поэтому заблаговременно были разработаны желѣзнодорожныя перевозки лишь головныхъ корпусовъ съ каждой изъ выше названныхъ окраинъ, и притомъ только до границъ будущаго театра войны; окончательное же направленіе въ предѣлахъ театра войны эти войска должны были получать дополнительно, въ зависимости отъ обстановки. Дѣйствительность подтвердила правильность и практичность принятаго рѣшенія.

Какъ извѣстно, западная сухопутная граница Россіи, въ центральной ея части, образовывалась изъ русской Польши, которая врѣзалась широкимъ и глубокимъ клиномъ между Германіей и Австро-Венгріей, приближая насъ, примѣрно, на 300 верстъ къ крайне важнымъ и жизненнымъ центрамъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Такое начертаніе пограничной линіи представляло бы для Россіи весьма значительныя стратегическія выгоды, на которыя не разъ указывали намъ и наши союзники-французы, но лишь при одномъ непремѣнномъ условіи — превосходствѣ надъ нашими сосѣдями въ срокахъ готовности къ наступленію. Увы, условіе это являлось для насъ въ рассматриваемый періодъ времени недостижимымъ! Наши противники обладали значительнымъ преимуществомъ надъ нами въ быстротѣ изготовленія и такимъ образомъ имѣли полную возможность предупредить насъ своимъ собственнымъ вторженіемъ въ наши предѣлы. При такихъ условіяхъ положительныя свойства нашего, такъ называемаго „передоваго“ театра, къ сожалѣнію, превращались въ глубоко отрицательныя.

Дѣйствительно, пользуясь болѣе раннею готовностью своихъ армій, Германія и Австро-Венгрія могли въ самомъ началѣ войны поставить на этомъ театрѣ на ли неготовыя къ встрѣчѣ войска въ крайнѣ тяжелыя стратегическія уяловія, своимъ согласованнымъ наступленіемъ изъ Восточной Пруссіи въ направленіи на Бѣлостокъ и изъ Галичины на Брестъ-Литовскъ. Извѣстно, что приблизительно

такой комбинированный ударъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, съ цѣлью отрѣзанія нашихъ войскъ на средней Вислѣ, одно время входилъ въ планы нашихъ западныхъ сосѣдей. Опасность подобнаго образа дѣйствій чувствовалась у насъ настолько остро, что, какъ извѣстно, въ 1910 году было рѣшено вывести изъ русской Польши часть силъ, которыя были тамъ расквартированы по дислокаціи мирнаго времени, и, въ связи съ этимъ, пересмотрѣть вопросъ о нашихъ крѣпостяхъ на средней Вислѣ и Буго-Наревѣ.

Трудность положенія нашихъ войскъ на передовомъ театрѣ естественно должна была возрастать въ мѣрѣ возрастанія численности тѣхъ силъ, съ коими Германія и Австро-Венгрія могли оперировать противъ насъ въ указанныхъ выше направленіяхъ. Въ этомъ отношеніи надо было различать два положенія, вытекавшія изъ образа дѣйствій главнаго нашего противника — Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, географическое положеніе Австро-Венгрии дѣлало вполнѣ безспорнымъ направленіе всей, или почти всей, арміи двуединой монархіи противъ Россіи. Что же касается Германіи, то, напротивъ, союзъ Россіи съ Франціей ставилъ ее въ очевидную необходимость, въ случаѣ войны на два фронта, раздѣлить свои силы. При этомъ для нея, какъ стороны, занимавшей внутреннее положеніе, очевидно представлялись двѣ возможности: направить главныя силы на западъ или востокъ. Чтобы дать себѣ отчетъ въ возможныхъ дѣйствіяхъ нашихъ противниковъ, въ отдѣлѣ генераль-квартирмейстера генеральнаго штаба въ 1913 году была впервые разработана записка о силахъ и вѣроятныхъ планахъ нашихъ западныхъ сосѣдей. Записка разбирала оба указанные выше случая. Составленіемъ ея имѣлось въ виду объединить въ одномъ трудѣ всѣ данныя, явившіяся результатомъ сбора и тщательнаго изученія свѣдѣній о подготовкѣ къ войнѣ центральныхъ державъ и попытаться положить извѣстныя границы тому разброду мнѣній и сужденій, который до этого времени существовалъ по многимъ частямъ этого вопроса между главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба и штабами военныхъ округовъ.

Въ частности, при оцѣнкѣ въ данной запискѣ вопроса — какому рѣшенію Германіи слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ смыслѣ его большей вѣроятности, отмѣчалось прежде всего то обстоятельство, что французская армія имѣла значительное превосходство въ срокахъ готовности передъ нашей; поэтому она и являлась для Германіи наиболее угрожающимъ противникомъ въ первый періодъ войны. Эта угроза должна была приобрѣсти въ глазахъ нѣмцевъ особое значеніе еще и потому, что западно-пограничные раіоны Германіи являлись наиболее промышленными, а значитъ, въ обстановкѣ войны, и наиболее важными раіонами всей имперіи. Непріятельское вторженіе въ эти раіоны должно было представлять для нѣмцевъ исключительную опасность. Несомнѣнно, что наилучшимъ способомъ для предупрежденія этой опасности должно было быть собственное вторженіе германской арміи въ предѣлы Франціи, что вызывало необходи-

мость сосредоточенія главныхъ силъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ. Съ другой стороны медленность нашей мобилизаціи и сосредоточенія къ границамъ, — о каковой медленности къ тому же у нашихъ противниковъ сложилось преувеличенное мнѣніе, — позволяли нѣмецкому генеральному штабу рассчитывать, что, при оставленіи на восточномъ фронтѣ даже ограниченныхъ германскихъ силъ, все же представится возможнымъ сдержать наступленіе нашихъ войскъ быстрымъ вторженіемъ въ наши предѣлы всѣхъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ. Изложенныя соображенія, по нашей оцѣнкѣ, совпадавшей, какъ мы видѣли, съ мнѣніемъ французовъ, дѣлали болѣе вѣроятнымъ предположеніе о направленіи Германіей въ первый періодъ войны главныхъ силъ противъ Франціи. Такимъ рѣшеніемъ Германія, сверхъ того, могла попутно рассчитывать — затруднить для Англіи оказаніе помощи союзницѣ послѣдней — Франціи, а въ случаѣ рѣшительнаго успѣха, — даже привлечь на свою сторону Италію, не окончательно еще порвавшую прежнія связи съ тройственнымъ союзомъ. Тщательное наблюденіе за желѣзнодорожною подготовкою Германіи на ея западномъ фронтѣ, совершавшеюся, повидимому, въ цѣляхъ достиженія возможности быстрого сосредоточенія при мобилизаціи значительныхъ силъ на бельгійской границѣ, укрѣпляли насъ въ правильности нашихъ теоретическихъ предположеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ косвенныхъ указаній на то, что германцы готовятъ широкое наступленіе на западъ и предполагаютъ ограничиться стратегической обороной на востокъ, служило то обстоятельство, что въ послѣдніе годы въ Германіи, въ вопросѣ о военно-инженерной подготовкѣ будущихъ театровъ военныхъ дѣйствій, отдавали явное предпочтеніе усилению крѣпостей на восточномъ фронтѣ. Значеніе же крѣпостей гораздо значительнѣе въ обстановкѣ именно оборонительной войны, какъ точекъ опоры для маневра болѣе слабой дѣйствующей арміи.

Но вполне очевидно, что всѣми этими соображеніями для Германіи не окончательно исключалась возможность принятія и второй комбинаціи — оборонительнаго образа дѣйствій на западъ и рѣшительнаго удара на востокъ. Такой планъ долгіе годы имѣлся въ разработанномъ видѣ въ распоряженіи германскаго генеральнаго штаба, и въ пользу такого образа дѣйствій отъ времени до времени передъ войной во враждебномъ намъ союзѣ вновь стали раздаваться отдѣльные голоса изъ числа тѣхъ, кои внимательно слѣдили за прогрессомъ русской арміи.

Разница въ обстановкѣ, въ зависимости отъ того и другого рѣшенія Германіи, была для Россіи столь существенной, что передъ русскимъ генеральнымъ штабомъ предстала необходимость имѣть въ разработанномъ видѣ два плана, или вѣрнѣе, два варианта стратегическаго развертыванія нашихъ вооруженныхъ силъ: одинъ — вариантъ А. — на случай направленія Германіей главныхъ силъ противъ Франціи; другой вариантъ Г. — при обратномъ рѣшеніи Германіей

даннаго вопроса. Но такъ какъ первое рѣшеніе Германіи считалось все же болѣе вѣроятнымъ, то и соответствующій этому рѣшенію вариантъ нашего стратегическаго развертыванія считался основнымъ; онъ и долженъ былъ выполняться, съ объявленіемъ мобилизаци и войны, автоматически. Переходъ же къ другому варианту, отвѣчавшему хотя и менѣе вѣроятному, но болѣе тяжелому для насъ случаю направленія главныхъ силъ всего враждебнаго союза противъ насъ — долженъ былъ совершаться лишь при условіи особаго на то распоряженія.

Въ основу перваго варианта была положена идея широкаго наступленія, какъ способа дѣйствій наиболѣе выгоднаго въ психологическомъ отношеніи и дающаго возможность обезпечить собственную территорію отъ вражескаго нашествія. Этотъ способъ дѣйствій, при разсматриваемой обстановкѣ, являлся наиболѣе соответственнымъ, конечно, и съ точки зрѣнія общихъ интересовъ союза.

Изъ двухъ нашихъ противниковъ — Германіи и Австро-Венгріи — главнымъ признавался, конечно, первый. Германія являлась главой и вдохновительницей всего враждебнаго намъ союза; поэтому противъ нея, въ конечномъ итогѣ, и надлежало направить наши главные усилія. Но на пути выполненія этой задачи мы должны были, въ обстановкѣ, которая намъ рисовалась, какъ наиболѣе вѣроятная, предварительно столкнуться со всею австро-венгерскою арміею; послѣдняя, въ данныхъ условіяхъ, представляла изъ себя главную боевую силу на нашемъ фронтѣ, стѣснявшую свободу дѣйствій нашей арміи. Только предварительный разгромъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ обезпечивалъ русской арміи въ будущемъ возможность широкаго и безопаснаго вторженія въ предѣлы Германіи. Военный успѣхъ надъ пестрою монархіею Габсбурговъ, въ составъ которой находилось до 20 милліоновъ родственныхъ и сочувствующихъ намъ славянъ, могъ кромѣ того привести къ полному ея распаду и выходу изъ войны. Наконецъ, ударомъ по двуединой монархіи, мы могли рассчитывать значительно облегчить положеніе Сербіи, поднять авторитетъ державъ согласія на Балканахъ и возбудить тяготѣніе къ нимъ Итали и Румыніи.

Эти соображенія и были причиной того, что въ основу варианта А, предусматривавшаго стратегическое развертываніе русской арміи, въ случаѣ направленія Германіею главныхъ силъ на западъ, легла идея нанесенія рѣшительнаго удара по Австро-Венгріи. Отсюда и самое названіе, присвоенное этому развертыванію — вариантъ „А“ — (Австрія).

Но, подготавливая этотъ ударъ, мы не должны были забывать о той грозной обстановкѣ, которая складывалась при данныхъ усло-

вияхъ для нашей союзницы Франціи, долженствовавшей принять на себя въ первую очередь главный ударъ нѣмцевъ. Мы должны были помнить, о нашей обязанности помочь ей самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Въ равной мѣрѣ мы должны были также озаботиться самымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ со стороны Германіи нашего собственнаго маневра противъ австро-венгерскихъ войскъ. Обѣ эти задачи, одинаково важныя, наилучшимъ образомъ разрѣшались нашимъ собственнымъ энергичнымъ вторженіемъ въ предѣлы Восточной Пруссіи, служившей естественнымъ плацдармомъ для сбора германскихъ войскъ, противъ насъ оставляемыхъ, и нанесеніемъ этимъ войскамъ рѣшительнаго пораженія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должно было быть овладѣніе нами Восточной Пруссіей и выходъ нашихъ войскъ къ нижнему теченію р. Вислы. Съ занятіемъ же такого положенія, не только сокращалось обіное протяженіе нашего стратегическаго фронта болѣе чѣмъ на 300 верстъ, но и упрочивалось положеніе на него праваго фланга, по условіямъ начертанія нашей пограничной линіи, слишкомъ отнесеннаго назадъ. Самое же главное, что съ выходомъ къ нижней Вислѣ, позволявшимъ соответственно выдвинуть наши войска на среднемъ теченіи той же рѣки, и съ разгромомъ австрійской арміи на лѣвомъ флангѣ нашего общаго стратегическаго фронта, — для русской арміи создавалось исключительно выгодное исходное положеніе, которое обезпечивало ей возможность дальнѣйшаго развитія операцій вглубь Германіи, и притомъ въ крайне опасныхъ для нея направленіяхъ. Передъ нашими войсками открывались пути не только въ премышленную Силезію, потеря которой во время войны для Германіи являлась очень тяжелымъ ударомъ, но и далѣе на Берлинъ, въ направленіи котораго, не считаясь съ первоначальной обстановкой, насъ такъ упорно и настойчиво приглашалъ наступать бывший начальникъ генеральнаго штаба и главнокомандующій французской арміей генераль, нынѣ маршалъ, Жоффри. При этомъ наступленіи лѣвый флангъ нашего стратегическаго фронта могъ бы найти себѣ опору въ родственныхъ намъ Чехіи и Словакіи. Правда, фронтальное овладѣніе германскимъ участкомъ р. Вислы не могло, конечно, входить въ наши предварительные расчеты. Этотъ участокъ представлялъ изъ себя довольно сильную оборонительную линію протяженіемъ свыше 200 верстъ, съ рядомъ заблаговременно укрѣпленныхъ пунктовъ, для взятія которыхъ съ фронта у насъ не доставало достаточно мощной подвижной тяжелой артиллеріи. Но съ другой стороны нижнее теченіе Вислы легко сбходилось вполне доступнымъ форсированіемъ той же рѣки въ нашихъ предѣлахъ; большинство же германскихъ укрѣпленій на Вислѣ имѣло недостаточно обезпеченный тылъ.

Итакъ, по основному варианту А, который, какъ всякій планъ стратегическаго развертыванія, не шель далѣе постановки первыхъ боевыхъ задачъ, главный ударъ русскихъ вооруженныхъ силъ намѣ-

чался въ первую очередь противъ австро-венгерской арміи. Естественнымъ райономъ сосредоточенія этой арміи противъ насъ являлась Галичина, въ которой австрійскій генеральный штабъ могъ развернуть, по нашимъ предварительнымъ подсчетамъ, 12—13 полевыхъ корпусовъ, оставляя остальные 3—4 корпуса противъ Сербіи. Очевидно, что для успѣха нашего удара являлась необходимость назначить максимумъ силъ. Однако русскій генеральный штабъ, какъ мы уже видѣли, въ рѣшеніи этого исключительнаго важнаго вопроса не былъ свободенъ; онъ долженъ былъ серьезно считаться съ общими задачами союза и обязательствами, принятыми на себя Россіей по отношенію къ Франціи.

Послѣдняя, при направленіи противъ нея главныхъ силъ Германіи, вводила, какъ мы уже знаемъ, въ свои расчеты быстрое вторженіе русскихъ силъ въ Германію, долженствовавшее отвлечь часть корпусовъ Германіи отъ ея западнаго фронта. По нашимъ расчетамъ, изложеннымъ въ той же запискѣ о силахъ и вѣроятныхъ планахъ нашихъ противниковъ, о которой уже было упомянуто выше, Германія, развивая главныя усилія противъ Франціи, все же могла оставить на своемъ восточномъ фронтѣ противъ насъ отъ 3 до 6 полевыхъ корпусовъ, въ особенности, въ случаѣ одновременнаго вступленія на сторонѣ тройственнаго союза Италіи. Эти корпуса могли быть еще значительно усилены добавленіемъ къ нимъ резервныхъ и ландверныхъ формированій. Мы уже видѣли, что на совѣщаніяхъ, происходившихъ до войны, наши союзники также высказывались за желательность нашего вступленія въ Германію съ такими силами, при которыхъ мы имѣли бы шансы на успѣхъ противъ 5—6 германскихъ корпусовъ. Сверхъ того намъ надлежало учитывать, что германскія войска, по сравненію съ нашими, были болѣе богато снабжены артиллеріей, превосходившей нашу не только числомъ орудій, но и наличиемъ тяжелой артиллеріи. И наконецъ, — что весь восточно-германскій фронтъ, особенно же районъ Восточной Пруссіи, былъ тщательно подготовленъ въ желѣзнодорожномъ отношеніи благодаря чему высокая сама по себѣ маневренная способность германскихъ войскъ должна была найти для себя чрезвычайно благоприятныя условія. Обстоятельства эти требовали, чтобы, при условіи нашего наступленія, на германскомъ фронтѣ съ нашей стороны были собраны для этого наступленія вполне достаточныя силы. Въ изложенныя только что соображенія и пожеланія, какъ равно повелительная необходимость непосредственнаго обезпеченія района Финляндіи и Петербурга отъ возможныхъ угрозъ со стороны Швеціи и германскаго десанта, являлись исходными данными для опредѣленія тѣхъ силъ, кои могли быть назначены въ первую очередь для нашего вторженія въ предѣлы Австро-Венгріи.

Въ конечномъ итогѣ оказалось, что изъ 28 полевыхъ корпусовъ, которые, какъ уже отмѣчено, могли быть развернуты Россіей на западныхъ границахъ въ теченіе перваго мѣсяца войны, противъ

Австро-Венгрии представилось возможнымъ развернуть въ первую очередь лишь 16 полевыхъ корпусовъ. Для усиленія ихъ, въ предстоящемъ наступленіи, пришлось допустить участіе также нѣкоторыхъ второочередныхъ дивизій, въ качествѣ третьихъ дивизій въ корпусахъ, хотя таковыя дивизіи и не признавались достаточно подготовленными для немедленнаго боевого ихъ использованія.

Ограничивающія условія, которыя приходилось имѣть ввиду русскому генеральному штабу при разработкѣ разсматриваемаго варианта стратегическаго развертыванія, на этомъ однако не заканчивались. Вслѣдствіе крайней быстроты, съ коею ожидалось развертываніе событій на француско-германскомъ фронтѣ, приходилось принимать максимальныя усилія къ тому, чтобы, въ интересахъ оказанія скорѣйшей помощи нашимъ союзникамъ, ускорить и нашу готовность къ наступленію противъ Германіи, хотя бы въ ущербъ готовности нашихъ армій на австро-венгерскомъ фронтѣ. Поэтому на фронтѣ противъ Германіи считалось необходимымъ намѣтить корпуса съ ускоренною, противъ остальныхъ, готовностью.

Обстановка, въ предвидѣніи которой былъ разработанъ вариантъ А. нашего плана, была все же такова, что позволяла использовать, хотя и не въ полной мѣрѣ, выгоды нашего передового театра. Последнія заключались въ возможности занятія нами охватывающаго положенія по отношенію какъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ въ Галичинѣ, такъ и германскихъ войскъ, предполагая ихъ сосредоточеніе въ Восточной Пруссіи, примѣрно на меридіанѣ Мазурскихъ озеръ. Конечно, на сторонѣ нашихъ противниковъ, и особенно Германіи, все же и въ этомъ случаѣ оставались выгоды болѣе ранняго изготвленія, но благоприятствующими для насъ факторами, позволявшими принять болѣе смѣлое рѣшеніе въ данной обстановкѣ, являлись: съ одной стороны — направленіе главныхъ силъ Германіи противъ Франціи, съ вѣроятнымъ оставленіемъ противъ насъ относительно не очень крупнаго заслона; съ другой стороны — возможность образованія нами достаточно сильнаго фронта противъ той же Германіи, составленнаго къ тому же изъ войскъ съ ускоренною готовностью. При такихъ условіяхъ имѣлись основанія рассчитывать не только на прочное удержаніе важнаго для нашего положенія на передовомъ театрѣ Гродно-Бѣлостокскаго района, но и на возможность развитія нашей наступательной операціи въ Восточную Пруссію, съ обходомъ Мазурскихъ озеръ съ запада. Что же касается опасности вторженія въ предѣлы передового театра австро-венгерскихъ войскъ въ первые недѣли войны, то таковое имѣлось въ виду парализовать прежде всего энергическимъ наступленіемъ со стороны Кіевского фронта, а затѣмъ созданіемъ особо-устойчивой опорной группы войскъ въ зонѣ наиболѣе опаснаго для насъ операціоннаго направленія на Брестъ-Литовскъ.

Въ соответствии со всеми изложенными выше соображеніями вариантъ А. вылился въ слѣдующія конкретныя формы:

Всѣ войска, назначенныя для развитія наступательныхъ дѣйствій противъ Австро-Венгріи, какъ имѣвшія общую цѣль и предназначенныя для дѣйствій въ одномъ оперативномъ районѣ, должны были войти въ составъ „юго-западнаго фронта (генераль Ивановъ) и развернуться въ двухъ группахъ: двѣ арміи (4-ая и 5-ая), въ составѣ семи полевыхъ корпусовъ, — на южномъ участкѣ передового театра и другія двѣ арміи (3-ья и 8-ая), въ составѣ девяти полевыхъ корпусовъ, — на Киевскомъ участкѣ общаго фронта.

Цѣлью дѣйствій армій юго-западнаго фронта ставился разгромъ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ, развертывавшихся въ Галичинѣ; какъ слѣдствіе этого разгрома — овладѣніе Галичиной и горными перевалами, ведущими въ Венгерскую равнину.

Главный ударъ возлагался на 3-ью и 8-ю арміи, развертывавшіяся на Киевскомъ участкѣ ю.-з. фронта. Поэтому на составъ и болѣе раннюю готовность этихъ армій было обращено особое вниманіе.

Болѣе подробно составъ и развертываніе армій ю.-з. фронта представляются въ слѣдующемъ видѣ:

4-ая армія (генераль баронъ Зальцъ) — въ районѣ Люблина между Вислой и Вепржемъ, въ составѣ XIV, XVI и грен. корпусовъ, трехъ второочередныхъ дивизій и $5\frac{1}{2}$ кон. дивизій (всего 9 пѣх. див., 1 стр. бриг., $5\frac{1}{2}$ кон. див.).*)

5-ая армія (генераль Плевѣ) — на фронтѣ Холмъ Ковель, по обоимъ берегамъ р. Зап. Буга, въ составѣ V, XVII, XIX и XXV корпусовъ, пяти второочередныхъ дивизій и 4 кон. дивизій (всего 13 пѣх. и 4 кон. дивизій).

3-ья армія (генераль Рузскій) — на фронтѣ Луцкъ Дубно — Теофиполь, между р.р. Стырь и Горынь, въ составѣ IX, X, XI, XXI и III кавказскаго корпусовъ,**) четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 конныхъ дивизій (всего 14 пѣх. и 4 кон. дивизій).

8-ая армія (генераль Брусилловъ) — на фронтѣ Николаевъ Черный Островъ — Дунаевцы, въ составѣ VII, VIII, XII и XXIV корпусовъ, одной второочередной дивизіи и 5 конныхъ дивизій (всего 9 пѣх. див., 2 стр. бригады и 5 кон. дивизій).

Противъ Германіи должны были развернуться двѣ арміи, въ составѣ 9 полевыхъ корпусовъ объединившіяся въ рукахъ главнокомандующаго „сѣверо-западнымъ фронтомъ“ (генераль Жилинскій); изъ нихъ 1-ая армія (генераль Ренненкампфъ) — изъ четырехъ полевыхъ корпусовъ — I, III, IV, XX, — семи второочередныхъ дивизій и $5\frac{1}{2}$ кон. дивизій (всего 15 пѣх. див., 1 стр. бр. и $5\frac{1}{2}$ кон. див.), — въ районѣ къ западу отъ средняго теченія р. Нѣмана, и 2-ая армія (генераль Самсоновъ) — изъ пяти полевыхъ корпусовъ — II, VI, XIII,

*) Въ распредѣленіи конныхъ частей по фронтамъ и арміямъ возможны нѣкоторые неточности

**) III кавк. корпусъ впоследствии былъ перебросенъ въ составъ IV арміи, которая въ первый періодъ Галиційской операціи оказалась въ очень трудномъ положеніи.

XV, XXIII, — четырехъ второочередныхъ дивизій и 4 кон. дивизій (всего 14 пѣх. д. 1 стр. бр. и 4 кон. дивизіи) на Бобръ-Наревскомъ участкѣ упомянутаго фронта, въ районѣ Гродна Ломжа Бѣлостокъ.

Дополнительное включеніе столь большого числа второочередныхъ дивизій въ составъ армій с.-з. фронта объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ районѣ этихъ армій находилось большинство иашихъ по-раничныхъ крѣпостей, нуждавшихся въ снабженіи ихъ довольно значительными гарнизонами. Въ составъ же 1-ой арміи входили кромѣ того три второочередныя дивизіи Риги-Шавельскаго района, долженствовавшія прикрывать важное направленіе Тильзитъ — Рига—Псковъ и являвшіяся уступомъ за правымъ флангомъ всего нашего стратегическаго фронта.

Объ арміи с.-з. фронта имѣли общую задачу — разбить германскія войска, сосредоточенныя въ Восточной Пруссіи и, овладѣвъ послѣдней, выйти къ нижнему теченію р. Вислы. Въ соответствии съ этой задачей, 1-ая армія должна была готовиться къ наступленію въ обходъ Мазурскихъ озеръ съ сѣвера, а 2-ая армія, — оставляя полосу названныхъ озеръ къ востоку. Такъ какъ 2-ая армія своимъ положеніемъ на Бобръ-Наревскомъ участкѣ являлась прикрытіемъ тыла 4-ой и 5-ой армій, то ей, для выполненія этой задачи при всякой обстановкѣ, было дано дополнительное указаніе — удерживать районъ Гродно—Бѣлостокъ при всякой обстановкѣ.

Слабость нашего Балтійскаго флота и незаконченность морской укрѣпленной позиціи Ревель—Поркалаудъ, долженствовавшей, совместно съ флотомъ, преграждать непріятельскимъ морскимъ силамъ доступъ въ Финскій заливъ, дѣлали наше положеніе на ближайшихъ подступахъ къ столицѣ имперіи и въ Финляндіи крайне непрочнымъ, особенно ввиду неяснаго политическаго положенія, занятаго передъ войной Швеціей. Ввиду этого, впредь до выясненія обстановки, намѣчалось оставленіе въ Финляндіи и въ районѣ Петербурга на первое время трехъ полевыхъ корпусовъ, образовавшихъ 6-ю армію. Во главѣ этой арміи долженъ былъ стоять Великій Князь НИКОЛАИ НИКОЛАЕВИЧЪ, который въ мирное время занималъ должность главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербурскаго военнаго округа. Однако, съ фактическимъ объявленіемъ войны, Великій Князь, какъ извѣстно, былъ призванъ на высокой и отвѣтственный постъ Верховнаго Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами имперіи, вошедшими въ дѣйствительную армію.

По выясненіи обстановки и сформированіи второочередныхъ дивизій, которыя могли замѣнить полевыя части, всѣ три полевыхъ корпуса 6-ой арміи намѣчались къ постепенной перевозкѣ на западный фронтъ, что въ дѣйствительности и было выполнено. Такимъ образомъ упомянутые три корпуса по существу являлись стратегическимъ резервомъ, въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Полный составъ 6-ой арміи вначалѣ войны (генералъ фанъ-деръ Флитъ)—Гвард., XVIII и XXII корпуса; 50-ая пѣх. дивизія; три второ-

очередныхъ дивизій и 1¹/₂ кон. дивизіи (всего 8 пѣх. див.; 5 стр. бриг. и 1¹/₂ кон. дивизіи.).

Наконецъ, на южныхъ границахъ Европейской Россіи, прилегающихъ къ Румыніи и Черноморскому побережью, ввиду невыяснившейся позиціи Румыніи и Турціи, предусматривалось формироваііе съ обсервационными цѣлями 7-ой арміи (генераль Никитинъ) — исключительно изъ четырехъ второочередныхъ дивизій и 1¹/₂ кон. дивизіи.

Постепенно, по мѣрѣ формироваііа ополченскихъ частей, изъ состава 6-ой и 7-ой арміи были переброшены на театръ военныхъ дѣйствій не только всѣ полевыя, но и второочередныя части.

Таковымъ намѣчалось развертываніе русской арміи на западныхъ границахъ, при условіи направленія главныхъ силъ противъ Франціи.

Изъ состава тѣхъ силъ, кои могли быть развернуты въ первую очередь, нѣсколько болѣе половины было предназначено для наступленія противъ Австріи; около трети — для развертыванія противъ Германіи и вторженія въ предѣлы Восточной Пруссіи и около шестой части — для обезпеченія столицы имперіи и второстепенныхъ районовъ, вошедшихъ въ театръ военныхъ дѣйствій.

При такомъ распредѣленіи войскъ мы обезпечивали за собою, однако, лишь условное превосходство въ силахъ надъ австро-венгерской арміи. — Составителямъ даннаго плана, конечно, не могла не быть ясной эта ея слабая сторона. Но другого выхода имъ не представлялось. Можно было конечно сожалѣть, что Россія, войдя въ союзныя отношенія съ Франціей, оказалась вынужденной ограничить извѣстными условіями свободу распоряженія собственными вооруженными силами, но нельзя было разсматривать запротоколенныя соглашенія съ нашей союзницей, какъ прѣсловутыя „ключекъ бумаги“. Союзъ обзывалъ, и каждая договорившаяся сторона, уважая себя, должна была найти въ себѣ волю для подчиненія собственныхъ намѣреній и выгодъ общимъ заданиямъ союза. Всякій, бывавшій на войнѣ, хорошо знаетъ какъ пагубно отражается на общемъ замыслѣ участіе въ немъ ненадежныхъ партнеровъ или сосѣдей. Россія не могла допустить, чтобы, въ результатъ ея отступленія отъ принятыхъ на себя обязательствъ, могла сложиться на фронтѣ ея западныхъ союзниковъ обстановка болѣе тяжелая, чѣмъ та, которая предусматривалась заранѣе. Ограничивая свои силы, собираемая для удара противъ Австро-Венгріи, Россія имѣла къ тому же основанія рассчитывать воспользоваться недостаточною численностью своихъ войскъ — ихъ доблестью и превосходствомъ надъ противникомъ, а также значительнымъ перевѣсомъ въ численности полевой артиллеріи. Кромѣ того въ составъ арміи ю.-з. фронта были вклю-

чены преимущественно полевые войска и во всякомъ случаѣ процентное отношеніе этой категоріи войскъ на упомянутомъ фронтѣ было болѣе выгоднымъ, чѣмъ въ арміяхъ с.-з. фронта.

Наконецъ, надо добавить, что въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго оставались, въ видѣ резерва, еще три полевыхъ корпуса 6-ой арміи, которые могли быть использованы въ зависимости отъ обстановки. Послѣ состоявшагося въ первый же періодъ войны направленія двухъ корпусовъ этой арміи*) въ составъ ю.-з. фронта, послѣдній возросъ до 18 полевыхъ корпусовъ, что дало уже замѣтный численный перевѣсъ въ нашихъ силахъ надъ австрійцами.

Мы имѣли значительный, въ общемъ болѣе чѣмъ двойной, перевѣсъ въ конницѣ надъ нашими западными противниками. Отсюда могла родиться мысль о цѣлесообразности массового набѣга этой конницы на непріятельскую территорію съ началомъ открытія военныхъ дѣйствій. Теоретически — можно было даже намѣтить крайне выгодныя направленія для такого набѣга — отъ средней Вислы, по лѣвому ея берегу, вглубь Германіи. Но осуществленію этой операціи, столь же трудной, въ условіяхъ культурной непріятельской страны, сколь манящей къ себѣ по возможнымъ результатамъ, мѣшали многія обстоятельства. Такая операція требуетъ прежде всего внезапности. Между тѣмъ инициатива объявленія войны, а значитъ и открытія военныхъ дѣйствій, въ силу миролюбивой политики Россіи, едва ли могла когда либо принадлежать намъ; наши противники, такимъ образомъ, всегда могли имѣть, въ своемъ распоряженіи время, необходимое для осуществленія заблаговременно и притомъ крайне тщательно и цѣлесообразно разработанныхъ мѣропріятій по прикрытію своихъ пограничныхъ районовъ.

Съ другой стороны — наша конница, сверхъ заданій, обычно возлагаемыхъ на этотъ родъ оружія въ первоначальный періодъ развертыванія войскъ, должна была нести еще спеціальныя задачи по наблюденію и прикрытію тѣхъ направленій, кои не могли войти въ районы непосредственнаго развертыванія армій, которыя раскинулись въ пограничной полосѣ, по мѣстнымъ условіямъ, на слишкомъ широкомъ фронтѣ, во много сотенъ верстъ. Къ тому же, не смотря на доблесть и порывъ нашихъ конныхъ частей, съ коими онѣ прибыли на границу, части эти были совсѣмъ мало подготовлены и еще меньше технически снаряжены для самостоятельной и продолжительной работы въ непріятельской странѣ, въ обстановкѣ современной войны. При такихъ условіяхъ и наличіи у непріятеля воздушныхъ средствъ развѣдки, велосипедныхъ и мотоциклетныхъ командъ, броневыхъ машинъ, широкой телеграфной и телефонной сѣти, — трудно было рассчитывать на успѣхъ какого-либо глубокаго рейда. Вѣрнѣе думать, что этотъ послѣдній лишь въ конецъ измоталъ бы силы нашей кон-

*) XXII корпусъ въ это время еще не могъ быть выведенъ изъ Финляндіи.

ницы и надолго вывелъ бы ее изъ строя. Примѣръ работы нашей конницы въ Восточной Пруссіи, яркое тому доказательство. Наконецъ, для успѣха такой отвѣтственной и сложной операціи нужны исключительные кавалерійскіе начальники, которыхъ, къ сожалѣнію, мирная жизнь арміи не сумѣла выдвинуть.

Выше было отмѣчено, что напряженіе, которое имѣла въ виду проявить Россія при борьбѣ на западномъ ея фронтѣ, не исчерпывалось тѣми силами, которыя были включены въ основное боевое расписаніе. Предполагалось привлечь еще войска изъ отдаленныхъ округовъ, гдѣ оставались, хотя мобилизованными, но не получившими окончательнаго назначенія, 9 корпусовъ. Изъ числа этихъ корпусовъ считалось необходимымъ оставить на мѣстахъ, до полнаго выясненія политической обстановки, — два корпуса на Дальнемъ Востокѣ, въ Забайкальѣ и Приморской Области — и по одному корпусу въ Закавказьѣ и Туркестанѣ. Впослѣдствіи, присоединеніе Японіи къ державамъ согласія позволило намъ снять въ Сибири всѣ корпуса, и даже перебросить на театръ военныхъ дѣйствій войска Заамурскаго округа пограничной стражи. И такимъ образомъ не менѣе пяти и до семи-восьми корпусовъ, считая Заамурцевъ, должны были дополнительно прибыть на западный фронтъ, гдѣ могли бытъ использованы въ соотвѣтствіи въ наличной обстановкой. Это давало русскому Верховному Главнокомандованію право вести первыя боевыя операціи съ болѣе широкимъ и смѣлымъ размахомъ.

При предназначеніяхъ на высшія командныя должности военнаго времени и установленіи порядка формированія штабовъ фронтовъ и армій были приняты всѣ мѣры, чтобы обезпечить надлежащій подборъ лицъ. Главнокомандующимъ арміями сѣверо-западнаго фронта были назначены генералъ Жилинскій, занимавшій почти три года должность начальника генеральнаго штаба и перешедшій затѣмъ на должность командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа; должность начальника штаба этого фронта долженъ былъ принять генералъ Орановскій, занимавшій въ мирное время должность начальника штаба Варшавскаго округа, специализировавшагося на преимущественномъ изученіи германскаго фронта. На должность главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта былъ назначенъ генералъ Ивановъ, переходившій съ мобилизаціей на этотъ постъ съ поста командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа; начальникомъ штаба этого фронта долженъ былъ бытъ генералъ Алексѣевъ, стоявшій нѣсколько лѣтъ во главѣ штаба Кіевскаго военнаго округа; въ этомъ же послѣднемъ было сосредоточено детальное изученіе въ военномъ отношеніи Австро-Венгерской монархіи. Въ составъ штабовъ обоихъ фронтовъ вошло также по нѣскольку офицеровъ генеральнаго штаба изъ штабовъ соотвѣтственныхъ пограничныхъ округовъ. Командующій 1-ой арміей — генералъ Ренненкампфъ — занималъ до войны

должность командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, на территории котораго его армія и должна была развернуться; для формироваія же штаба этой арміи цѣликомъ былъ использованъ штабъ того же Виленскаго округа. Личный составъ 3-й и 8-й армій, развертывавшихся на территории Кіевскаго военнаго округа, — почти цѣликомъ былъ взятъ изъ штаба и управленія этого округа. Штабы 4-й и 5-й армій были соответственно сформированы изъ штабовъ Казанскаго и Московскаго военныхъ округовъ, офицеры коихъ ежегодно командировались на полевья поѣздки въ районы развертыванія этихъ армій. Наконецъ, для формироваія органовъ управленія 2-й арміей каждое назначеніе было также по возможности продумано. Командующій арміей — генераль Самсоновъ — пользовался большою и вполне заслуженною боевою и служебною репутаціей. За нѣсколько лѣтъ до войны онъ занималъ должность начальника штаба Варшавскаго военнаго округа. Начальникъ штаба арміи, — генераль Постовскій, — бывшій генераль-квартирмейстеръ штаба того же Варшавскаго округа, который одно время даже продвигался мѣстнымъ начальствомъ на должность начальника штаба этого округа. Генераль-квартирмейстеръ арміи — генераль Филимоновъ — бывшій начальникъ штаба Новогеоргіевской крѣпости. Начальникъ оперативнаго отдѣленія этой арміи былъ назначенъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, служившихъ въ оперативной части главнаго управленія генеральнаго штаба (Полковникъ Вяловъ). Всѣ эти лица такимъ образомъ должны были по прежней своей службѣ хорошо знать германскій фронтъ и задачи арміи. Даже на случайно освободившейся постъ командира XIII корпуса, входившаго въ составъ 2-ой арміи, было съ нарочитою цѣлію назначено лицо (Генераль Клюевъ), занимавшее раньше постъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа и имѣвшее по этой должности извѣстныя общепризнанныя заслуги. Ко всему изложенному слѣдуетъ еще добавить, что, при опредѣленіи состава арміи, преслѣдовалась цѣль образованія ихъ по возможности изъ войскъ того округа, изъ управленія котораго формировался штабъ арміи. Всѣ эти мѣры конечно должны были облегчить предстоящую боевую работу.*)

Здѣсь уместно будетъ также упомянуть, что въ апрѣлѣ 1914 года, т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемыхъ событій, по настоянію военнаго министра, генерала Сухомлинова, была, наконецъ, осуществлена въ Кіевѣ, встрѣчавшая большія противодѣйствія, стратегическая военная игра, въ которой приняли непосредственное участіе всѣ командующіе войсками въ округахъ — будущіе командующіе арміями — съ ихъ начальниками штабовъ. Занятія военной игрой получили въ русской арміи довольно широкое развитіе лишь среди офицеровъ генеральнаго штаба и въ самыя послѣдніе годы передъ

*) Редакція не согласна съ такой чисто формальной оцѣнкой назначеній, якобы обезпечивающей надлежащій подборъ лицъ. Наша система назначеній на высокіе посты вообще не выдвигала талантовъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что въ теченіе 9 лѣтъ до войны смѣнилось 6 начальниковъ генеральнаго штаба, изъ коихъ только одинъ ген. Палицынъ безспорно соответствовалъ своему назначенію.

войной — въ войсковыхъ частяхъ. Старше войсковые начальники къ нимъ привлекались крайне рѣдко и участвовали въ нихъ неохотно. На военной игрѣ въ г. Кіевѣ, о которой только что упомянуто и къ которой впервые, въ качествѣ участниковъ, были привлечены лица, занимавшія самыя высокіе и отвѣтственные военные посты, разыгрывались стратегическія комбинаціи, почти вполнѣ идентичныя тѣмъ событіямъ, которыя развернулись въ дѣйствительности. Такое совпаденіе, конечно, не было случайнымъ, оно явилось результатомъ тщательнаго и вдумчиваго изученія главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба и штабами военныхъ округовъ той обстановки, при которой наиболѣе было вѣроятно открытіе военныхъ дѣйствій на нашихъ западныхъ границахъ. Участники этой военной игры, при желаніи, могли вынести изъ нея много полезнаго и остается весьма сожалѣть о томъ, что организація такихъ занятій встрѣчала долго упорное противодѣйствіе со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ видѣть въ этихъ занятіяхъ лишь обидную для себя провѣрку знаній и опыта въ руководствѣ военными массами. Многія роковыя ошибки и промахи могли бы быть избѣгнуты при болѣе довѣрчивомъ къ этимъ занятіямъ отношеніи.

Наши морскія силы, исключая тѣ суда, кои находились на Дальнемъ Востокѣ и въ заграничныхъ портахъ, были разъединены географическими условіями на двѣ независимыя другъ отъ друга части. Балтійскій флотъ, находившійся подъ командой адмирала Эссена, крайне ограниченный по своему боевому составу, получилъ задачу, опираясь на береговыя укрышенія Ревель—Поркалаудъ, преграждать непріятельскому флоту входъ въ Финскій заливъ. Такъ какъ задача его являлась частью болѣе общей задачи, возлагавшейся на б-ю армію по прикрытію столицы имперіи и оборонѣ Финляндіи, то, для объединенія морскихъ и сухопутныхъ дѣйствій, Балтійскій флотъ былъ подчиненъ главнокомандующему 6-й арміей*). Задача Черноморскаго флота была болѣе широкой и самостоятельной; флотъ этотъ долженъ былъ поддерживать наше господство въ Черномъ морѣ. Поэтому командующій Черноморскимъ флотомъ — адмиралъ Эбергартъ — долженъ былъ находиться въ непосредственномъ подчиненіи Верховному Главнокомандующему.

И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, русское Верховное Главнокомандованіе, путемъ установленія съ перваго дня мобилизаціи наблюденія за перевозкою германскихъ войскъ, весьма скоро получило неопровержимыя доказательства того, что главныя силы направляются Германіей на западъ. Поэтому принятый къ исполненію съ того же перваго дня вариантъ А. стратегическаго развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ былъ доведенъ до конца съ тѣми измѣненіями,

* Почетное званіе, кото-ое сохранилось лично за командующимъ 6-й арміей въ виду предполагавшаго я перехода на эту должность, съ объявленіемъ войны бывшаго главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великаго Князя Николая Николаевича.

конечно, которыя вытекали изъ болѣе детальнаго выясненія обстановки и законнаго стремленія полнѣе использовать такуюю.

Въ первые же дни по объявленіи войны, штабу Верховнаго Главнокомандующаго или Ставкѣ, какъ этотъ штабъ впоследствии стали называть, сдѣлалось извѣстнымъ, что части не только II-го германскаго (Штетинъ), но и пограничныхъ съ нами корпусовъ — V-го (Познань) и VI-го (Бреславль), совершаютъ посадку на желѣзную дорогу и отправляются въ западномъ направленіи. Отсюда становилось яснымъ, что со стороны Германіи намъ не угрожаетъ десантной опасности на Балтійскомъ побережьѣ, и что мы въ Восточной Пруссіи должны рассчитывать на встрѣчу только съ тремя мѣстными полевыми корпусами (I, XVII и XX), съ извѣстнымъ конечно числомъ резервныхъ, ландверныхъ и ландштурмныхъ формированій. Эти данныя позволяли намъ начать немедленную переброску на западную сухопутную границу полевыхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ 6-ой арміи. Въ первую очередь были предназначены два корпуса; лишь одинъ корпусъ (XXII) былъ временно задержанъ въ Финляндіи впредь до болѣе опредѣленнаго выясненія позиціи Швеціи. Дальнѣйшимъ выводомъ изъ приведенныхъ выше данныхъ должно было быть рѣшеніе о цѣлесообразности болѣе смѣлыхъ и быстрыхъ дѣйствій нашихъ въ направленіи Восточной Пруссіи. Мы не должны были упустить возможности воспользоваться, для выполненія нашихъ задачъ на этомъ театрѣ, относительной слабостью на немъ нашего врага, ибо послѣдній съ теченіемъ времени могъ усилиться, путемъ ли новыхъ формированій или обратной переброски части своихъ силъ на востокъ, по выполненіи на западномъ фронтѣ первыхъ боевыхъ задачъ. Въ равной мѣрѣ на насъ лежала обязанность оказать нашимъ союзникамъ на западъ помощь, тѣмъ болѣе дѣйствительную и быструю, чѣмъ сильнѣе былъ ударъ, заносимый надъ ними.

Здѣсь надо напомнить, что наступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Германіи ожидалось нашими союзниками — Франціей и примкнувшей къ ней Англіей — съ нескрываемой напряженностью. Нашъ военный агентъ въ Парижѣ, графъ Игнатъевъ, въ самые первые дни по объявленіи войны телеграфировалъ, что французскій военный министръ высказалъ ему надежду на то, что всѣ наши усилія будутъ направлены противъ Германіи и что Австрія будетъ нами признана въ качествѣ „quantité négligable“. Французскій посолъ въ Петербургѣ, г. Палеологъ, лично обратился къ Императору Николаю II съ горячею просьбой о скорѣйшемъ наступленіи; русскій посолъ въ Парижѣ, г. Извольскій, также сообщалъ о „лихорадочномъ“ нетерпѣніи, съ которымъ, по его оцѣнкѣ, ожидаютъ во Франціи извѣстій о наступленіи нашихъ войскъ, причемъ добавлялъ, что разочарованіе въ этомъ отношеніи способно произвести удручающее впечатлѣніе.

Всѣ приведенныя выше соображенія, какъ вытекавшія изъ оцѣнки собственнаго положенія, такъ и изъ положенія нашихъ союзниковъ,

заставляли Ставку настаивать на скорѣйшемъ вторженіи арміи съверо-западнаго фронта въ предѣлы Восточной Пруссіи.

Что касается австро-венгерскаго фронта, то къ срединѣ августа удалось установить, что за р. Саномъ и на фронтѣ Ярославъ — Львовъ собраны значительныя силы австрійцевъ. Въ Восточной Галичинѣ обстановка вырисовывалась болѣе туманно; все же можно было предполагать, что непріятель находится въ этомъ районѣ въ болѣе слабыхъ силахъ и только въ періодъ своего развертыванія, прикрываясь р.р. Зап. Бугомъ, Золотой Липой и Днѣстромъ. Надо отмѣтить вообще, что совершенная ничтожность нашихъ авіаціонныхъ средствъ и техническое несовершенство аппаратовъ препятствовали, несмотря на личную отвагу и достойное самопожертваніе нашихъ летчиковъ, успѣшному производству глубокихъ развѣдокъ, при которыхъ данныя объ общемъ расположеніи непріятеля всегда будутъ страдать большою степенью сомнительности. Тѣмъ не менѣе добытыя данныя, въ связи съ фактомъ медленной готовности нашихъ 5-ой и особенно 4-ой арміи подтверждали предусматривавшуюся главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба еще въ мирное время вѣроятность натиска на эти арміи со стороны австрійцевъ. Чтобы парализовать опасность этого удара и вмѣстѣ съ тѣмъ вырвать инициативу дѣйствій изъ рукъ нашего врага, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ былъ скорѣйшее вторженіе нашихъ 3 и 8 арміи въ предѣлы Галичины.

Надо отмѣтить, что въ годы мирной подготовки, между главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба и штабомъ Киевскаго военнаго округа существовало коренное различіе во взглядѣ на вѣроятный планъ дѣйствій австрійцевъ, въ случаѣ войны. Основываясь на сопоставленіи сроковъ боевой готовности, объ стороны одинаково допускали вторженіе австрійцевъ, съ началомъ войны, въ наши предѣлы. Но главное управленіе генеральнаго штаба считало болѣе вѣроятнымъ наступленіе австрійцевъ въ сѣверномъ направленіи, въ предѣлы русской Польши и на сближеніе съ восточнымъ фронтомъ германцевъ; штабъ же Киевскаго военнаго округа отстаивалъ преимущественно для австрійцевъ восточнаго операціоннаго направленія, указывая, что наступленіе на сѣверъ явится возможнымъ для нашего противника лишь послѣ успѣха надъ нашими арміями на Киевскомъ фронтѣ. Разница въ оцѣнкѣ обстановки порождала разницу и во взглядахъ на наилучшій способъ собственныхъ дѣйствій. Главное управленіе генеральнаго штаба, исходя изъ указанныхъ выше соображеній и учитывая опасность, проистекающую отъ запаздыванія готовности нашихъ арміи на фронтѣ между Вислой и Зап. Бугомъ, всегда настаивало на скорѣйшемъ переходѣ въ наступленіе арміи, развертывавшихся противъ восточной границы Галичины, хотя бы съ нѣкоторымъ рискомъ для себя; въ этомъ наступленіи оно видѣло способъ отвести ударъ отъ сѣверной группы. Мѣстное же начальство Киевскаго военнаго округа, не раздѣляя мысли о возможности от-

дѣльнаго пораженія нашей сѣверной группы, склонялось болѣе къ оттяжкѣ своего наступленія, рассчитывая на болѣе обезпеченный успѣхъ общаго наступленія всѣхъ четырехъ армій, по окончательномъ ихъ изготовленіи.

Съ объявленіемъ общей мобилизаціи и связаннымъ съ нею приступомъ къ сосредоточенію дѣйствующей арміи къ западнымъ границамъ — территоріи Виленскаго, Варшавскаго, Кіевскаго (только губерніи праваго берега Днѣпра) и частью Петербургскаго и Одесскаго пограничныхъ военныхъ округовъ — должны были составить театръ военныхъ дѣйствій, съ подчиненіемъ такового военной власти. При этомъ нѣсколько видоизмѣнились границы военныхъ округовъ и, въ соотвѣтствіи съ условіями военного времени, военно-окружныя управленія изъ Вильны и Варшавы должны были перемѣститься соотвѣтственно въ Двинскъ и Минскъ. Территорію сѣверо-западнаго фронта, при вариантѣ А., долженъ былъ составить Двинскій военный округъ, а территорію юго-западнаго — Минскій и Кевскій военные округа. Что касается Петербургскаго и Одесскаго военныхъ округовъ, то таковыя должны были образовать территорію отдѣльныхъ 6-ой и 7-ой армій, причемъ командующіе этими арміями, какъ невходившими въ составъ армій фронтовъ, непосредственно подчинялись Верховному Главнокомандующему.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о вариантѣ Г. (Германія), осуществленіе котораго предполагалось въ томъ, хотя и менѣе вѣроятномъ, но допускавшемся случаѣ, если бы Германія рѣшилась направить съ началомъ войны значительныя силы на свой восточный фронтъ. При этихъ условіяхъ Россія имѣла бы противъ себя соединенныя силы обѣихъ центральныхъ державъ, которыя не только превосходили бы русскія вооруженныя силы своею численностью, но еще имѣли бы на своей сторонѣ огромное преимущество въ срокахъ готовности, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ ихъ собственное сосредоточеніе конечно должно было нѣсколько затянуться. Очевидно, что мы не могли рассчитывать воспрепятствовать вторженію нашихъ противниковъ въ предѣлы собственной территоріи и потому въ основаніе нашего стратегическаго развертыванія должно было быть положено прежде всего условіе его безопасности. Обстановка повелительно требовала въ этомъ случаѣ болѣе глубокаго отнесенія зонъ нашего развертыванія внутрь страны. Оборона передоваго театра являлась невозможной, такъ какъ этотъ театръ неизбежно охватывался непріятелемъ со всѣхъ сторонъ. Весь первый періодъ войны долженъ былъ принять оборонительный характеръ, въ ожиданіи подхода всѣхъ войскъ изъ Сибири, Туркестана и Закавказья, или измѣненія обстановки, подъ вліяніемъ событій на союзномъ намъ западномъ фронтѣ. Въ такихъ условіяхъ весьма рельефно вырисовывалось разъединяющее значеніе нашего Польскаго, представляющаго и до сихъ поръ большія затрудненія для веденія въ немъ операцій крупнаго масштаба. Такъ какъ для нашихъ противниковъ

главнѣйшіе и кратчайшіе пути къ обѣимъ столицамъ имперіи — Петербургу и Москвѣ, являющимися вмѣстѣ съ тѣмъ жизненными центрами всей страны, пролегали къ сѣверу отъ Польска, то на сѣверномъ участкѣ общаго фронта естественно и подлежала развертыванію большая часть нашихъ вооруженныхъ силъ. Изъ 28 полковыхъ корпусовъ, включенныхъ въ основное боевое расписание, 20 корпусовъ (арміи 6, 4, 1, 2 и 5, съ добавленіемъ одного корпуса изъ состава 8 арміи) должны были развернуться къ сѣверу отъ р. Припяти, съ главными силами, примѣрно, на фронтѣ нашихъ основныхъ крѣпостей Ковно—Гродно—Брестъ-Литовскъ (1, 2 и 5-я арміи), имѣя за правымъ открытымъ флангомъ уступъ въ районѣ Ново-Свѣянцянъ (4-я армія) и конечно особую армію (6-ую) на подступахъ къ столицѣ имперіи Петербургу. Последнему въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо могла угрожать опасность десанта. При отсутствіи же такового, эта армія, пользуясь желѣзно-дорожною сѣткою, легко могла быть подана на фронтъ въ желаемомъ направленіи.

Къ югу отъ Польска имѣлось въ виду развернуть при данной обстановкѣ только восемь корпусовъ (арміи 3 и 8), которые должны были взять на себя задачу прикрытія путей къ р. Днѣпру. Соответственно этому раздѣленію силъ на два фронта перераспредѣлялась между послѣдними и территория театра военныхъ дѣйствій съ разграничительной линіей, проходившей черезъ Польшу. — Примѣрно въ той же пропорціи, какъ и полковыя войска, между фронтами распредѣлялись и второочередныя части. Такимъ образомъ свыше 70% всѣхъ силъ, включенныхъ въ основное боевое расписание, сосредоточивались при вариантѣ Г. къ сѣверу отъ Польска, на фронтѣ противъ Германіи. Къ этимъ силамъ, начиная со второго мѣсяца войны, могли начать свой подходъ войска отдаленныхъ округовъ.

Выше я имѣлъ уже случай отмѣтить, что основнымъ вариантомъ нашего стратегическаго развертыванія являлся вариантъ А., и что онъ долженъ былъ автоматически осуществляться съ объявленіемъ общаго мобилизаціи. Что касается варианта Г., то для перехода къ нему должно было послѣдовать особое приказаніе, въ зависимости отъ дѣйствительно выяснившейся обстановки. Въ соответствии съ этимъ условіемъ планы перевозки по желѣзнымъ дорогамъ тѣхъ войсковыхъ эшелоновъ, которые должны были мѣнять свое направленіе, были составлены такимъ образомъ, что, если бы такое дополнительное приказаніе послѣдовало въ теченіе первой недѣли или даже нѣсколько позднеѣ, то переходъ отъ варианта А. къ варианту Г. могъ быти совершенъ безъ всякой ломки и кореннъ хъ разстройствъ въ работѣ желѣзныхъ дорогъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы своевременно вскрыты дѣйствительныя намѣренія Германіи, которыя, при организованномъ наблюденіи, не могли долгое время оставаться тайной.

Дѣйствительная обстановка складывалась однако на австрій-

скомъ фронтъ ближе къ предположеніямъ главнаго управленія генеральнаго штаба. Поэтому Ставка, раздѣлявшая мнѣніе главнаго управленія генеральнаго штаба объ опасности, угрожавшей 4-й и 5-й арміямъ, требовала быстрѣйшаго вторженія 3-й и 8-й армій, съ общимъ направленіемъ на Львовъ. При успѣхъ этого наступленія, названныя арміи могли выйти во флангъ, и даже въ тылъ, наступавшей къ сѣверу австрійской группѣ войскъ, положеніе которой становилось бы тѣмъ труднѣе, чѣмъ глубже она вторгалась въ предѣлы бездорожной русской Польши. Независимо того, наступленіемъ 3-й и 8-й армій выгодно выпрямлялась линия нашего стратегическаго фронта и сближались между собою всѣ четыре арміи юго-западнаго фронта, чѣмъ уменьшалась опасность ихъ разрыва, вытекавшая изъ наличія лѣсисто-болотистаго пространства между верховьями Западнаго Буга и р. Стырь.

Дѣйствительность показала, что энергическое наступленіе 3 и 8 армій рѣшило успѣхъ всей Галичской операціи.

Что касается, наконецъ, нашего положенія на лѣвомъ берегу р. Вислы, то тамъ съ первыхъ же дней войны обозначилось наступленіе германцевъ и австрійцевъ, съ общимъ направленіемъ на фронтъ Лодзь—Кельцы. Наши передовыя части — кавалерія и стрѣлки, — задерживая непріятеля, стали постепенно отходить на среднюю Вислу. Этому наступленію непріятельской силъ придавалось, впрочемъ, Ставкой лишь демонстративное значеніе.

Къ тому же положеніе наше на средней Вислѣ,—слабое въ началѣ, должно было упрочиваться съ каждымъ днемъ. Выше уже было отмѣчено, что, вслѣдствіе выяснившейся группировки германскихъ силъ, Верховное Главнокомандованіе уже въ первой половинѣ августа признало возможнымъ начать переброску на западный фронтъ двухъ корпусовъ изъ состава 6-ой арміи. Эти корпуса (гвардейскій и XVIII) были предназначены къ сосредоточенію въ районѣ Варшавы. Къ нимъ долженъ былъ присоединиться еще одинъ корпусъ (I-ый) изъ состава I-ой арміи, которымъ было признано возможнымъ ослабить армію сѣверо-западнаго фронта, ввиду значительнаго численнаго превосходства войскъ послѣдняго надъ германскими силами въ Восточной Пруссіи. Упомянутые три корпуса должны были составить новую 9-ю армію (генераль Лечицкій), предназначавшуюся для болѣе широкаго развитія намѣчавшихся активныхъ операцій дѣйствіями на лѣвомъ берегу р. Вислы, въ направленіи германскаго или австро-венгерскаго фронта, смотря по обстановкѣ. Эта армія должна была оставаться временно въ рукахъ Верховнаго Главнокомандующаго, который прозорливо предвидѣлъ, что въ условіяхъ современной войны, войска, уже введенныя въ операцію, быстро теряютъ свою наступательную энергію и легко поддаются изнашиванію. Нужны новыя силы для развитія операціи и доведенія ея до конца.

Названные корпуса и позволили Верховному Главнокомандованию регулировать ходъ первыхъ боевыхъ операций.

Чтобы покончить съ обзоромъ положенія въ начальнѣйшій періодъ войны надо еще отмѣтить, что южнѣе 9-ой арміи, попутно обезпечивавшей подступы къ р. Вислѣ съ фронта Краковъ — Познань, приступлено было къ спѣшному возведенію на лѣвомъ берегу р. Вислы у Ивангорода укрѣпленной позиціи, достаточно удаленной отъ имѣвшихся у названнаго пункта мостовъ черезъ р.р. Вислу и Вепржъ. Эта позиція, строившаяся однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ военныхъ инженеровъ (генераль Шварцъ), съ соблюденіемъ всѣхъ современныхъ условій, и послѣдовательно развивавшаяся въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями арміи, во много разъ надежнѣе и полнѣе могла выполнить свое стратегическое заданіе, чѣмъ устарѣлыя и не представлявшіе никакой сопротивляемости форты, упраздненной незадолго до войны, Ивангородской крѣпости.

17-го августа н. стилиа, т. е. на 18-ый день по объявленіи нашей мобилизаціи и на 16-й день французской мобилизаціи, главныя силы 1-ой русской арміи перешли границу Германіи; тремя днями позднѣе — на территорію Австріи вступили части 3 и 8 армій. Этими дѣйствіями началось фактическое выполненіе предусматривавшихся нашимъ планомъ войны наступательныхъ операций, описаніе коихъ выходитъ за предѣлы настоящаго очерка.

Ю. Н. ДАНИЛОВЪ.